

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВ

Общий язык Гадамера и Дэвидсона¹

В статье 1997 года «Гадамер и Платонов „Филеб“» Дэвидсон констатирует родство между философской герменевтикой Гадамера и своей теорией интерпретации, комментируя следующий пассаж из «Истины и метода»: «...язык, в котором нечто становится предметом речи (*zur Sprache kommt*), не находится в распоряжении того или иного из собеседников. Всякий разговор предполагает общий язык или, точнее, формирует его. Как говорят греки, посредине между собеседниками кладется нечто, к чему причастны оба и относительно чего они обмениваются [репликами]. Взаимопонимание относительно предмета, которое должно быть достигнуто в разговоре, необходимо означает поэтому, что в разговоре сперва должен быть выработан общий язык. Это не просто внешний процесс подгонки инструментов; неверно, будет даже сказать, что собеседники приспособляются друг к другу; скорее, в удачном разговоре они оказываются во власти самой истины обсуждаемого ими дела, которая объединяет их в новую общность. Чтобы достичь взаимопонимания в разговоре, недостаточно просто представить и утвердить свою точку зрения: взаимопонимание преобразует собеседников [приближая их] к единству, так что они уже не является более тем, кем были раньше»².

Его комментарий таков: «Я согласен почти со всем, что здесь сказано. Расхождение между нами (а оно может говорить только о том, что я не вполне понял Гадамера) состоит в том, что я не сказал бы, что разговор предполагает общий язык и даже что таковой для разговора нужен. По моему мнению, понимание всегда зависит не только от интерпретации, но и от перевода, поскольку мы никогда не можем быть уверены в том, что подразумеваем под тем или иным словом ту же вещь, которую

¹ Работа выполнена при поддержке стипендиальной программы Смольного колледжума СПбГУ и в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, госконтракт № 02.740.11.0362.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 444–445. Здесь и далее цитаты даются в переводе, отредактированном по изданию: *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. I. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1990.*

подразумевают наши партнеры по дискуссии. В разговоре вырабатывается не общий язык, но понимание: каждый собеседник начинает понимать другого. И мне кажется ложным утверждение, что взаимопонимание относительно некоторого предмета требует, чтобы сперва был выработан общий язык. Я бы сказал: такое понимание может состояться только при наличии общего предмета. Взаимопонимание относительно предмета и обоюдное понимание речи другого — это не независимые вещи: это моменты единого межличностного процесса триангуляции мира»³.

В интерпретативной литературе концепция коммуникации без общего языка считается «визитной карточкой» Дэвидсона — специфической новацией, отличающей его теорию интерпретации от большинства прочих. На мой взгляд, этот историко-философский стереотип представляет собой недоразумение, обусловленное некоторой размытостью понятия «язык» в работах Дэвидсона. Я попытаюсь показать, что у Дэвидсона общий язык предполагается как структурный момент коммуникации, из чего следует, что его теория интерпретации и философская герменевтика Гадамера совместимы в этом пункте, как и во многих других.

Тезис Дэвидсона

Чтобы эксплицировать обсуждаемый тезис Дэвидсона (отрицание необходимости общего языка для успешной коммуникации), зафиксируем основные характеристики языка и условия интерпретируемости речи⁴, на которые он опирается.

Анализируя лингвистическую конституцию «первого значения» (значения, которое является первичной целью интерпретации), Дэвидсон перечисляет три популярных постулата лингвистики:

1) *первое значение систематично*. Компетентный говорящий или интерпретатор способны интерпретировать высказывания (свои собственные или чужие) в опоре на семантические свойства частей (слов) и структуру высказываний. Чтобы это было возможно, должна иметь место систематическая связь между значениями высказываний;

2) *первое значение является общим*. Чтобы говорящий и интерпретатор могли общаться успешно и регулярно, они должны использовать общий метод интерпретации описанного в пункте 1 типа;

3) *первое значение зависит от усвоенных (learned) конвенций или регулярностей*. Систематическое знание, или компетенция говорящего и интерпретато-

³ Davidson D. Gadamer and Plato's Philebus // Davidson D. Truth, Language, and History. N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 275.

⁴ Для Дэвидсона различие между языком и речью несущественно, поэтому в дальнейшем я использую эти термины как синонимы.

ра, усваивается прежде случаев интерпретации и имеет конвенциональный характер⁵.

Первые два постулата Дэвидсон принимает; третий отрицает по причинам, которые будут указаны ниже. На основе первых двух постулатов мы можем зафиксировать две характеристики *языка* в смысле Дэвидсона:

1) язык предполагает определенный набор правил, позволяющих конструировать целое из частей (например, предложения из слов), а также определяющих взаимосвязь между выражениями одного уровня (например, логическую связь между предложениями). Этот пункт позволяет различать языки на основе различий в лексике, правилах словообразования, синтаксисе и т. п.;

2) язык имеет коммуникативную природу, то есть предполагает интерпретируемость высказываний, сделанных на одном языке, в рамках другого языка. Это позволяет Дэвидсону рассматривать языковую компетенцию как способность к коммуникации: способность интерпретировать речь другого и делать высказывания, доступные для интерпретации собеседников.

Вторая из приведенных характеристик языка получает конкретизацию в Дэвидсоновом перечне *условий интерпретируемости* высказываний (условий успешной коммуникации). Приведем две цитаты.

«Лучшее, что говорящий может сделать, — это быть интерпретируемым, то есть использовать конечный набор различных звуков и применять их последовательно к объектам и ситуациям, которые, как он полагает, видны его слушателю»⁶.

«...говорение на языке не зависит от наличия двух или более людей, говорящих тем же способом; оно предполагает только, что каждый собеседник намеренно делает свою речь доступной для интерпретации другим (говорящий должен „продолжать“ более или менее так, как другой ожидает, или в соответствии с теми средствами интерпретации, которыми другой располагает)»⁷.

Главным условием успешной коммуникации Дэвидсон считает, скажем словами Гадамера, «добрую волю к пониманию», что в данном случае означает стремление облегчить собеседнику интерпретативную задачу⁸. Мы дол-

⁵ Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs // Davidson D. Truth, Language, and History. N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 93.

⁶ Davidson D. First Person Authority // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 13.

⁷ Davidson D. The Second Person // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 115.

⁸ В этом пункте можно видеть любопытную взаимодополнительность исследований

жны иметь в виду возможные интерпретации наших слов собеседником, «подсказывать» ему верную (желаемую) интерпретацию и отклонять неверные. Эта цель достигается (если достигается) следующими средствами:

- 1) последовательное речевое поведение (стабильность словоупотребления, недопущение логических и перформативных противоречий и т. п.);
- 2) учет «перспективы» собеседника: того, что, по нашему мнению, он видит и с чем поэтому может соотнести наши слова;
- 3) учет интерпретативных средств, которыми, по нашему мнению, располагает собеседник, то есть учет особенностей языка собеседника и того, что он знает о нашем языке, об особенностях нашего словоупотребления и т. п.

Теперь вернемся к тезису Дэвидсона. Одна из самых известных его формулировок имеет несколько провокационный характер: «...не существует такой вещи, как язык, если под языком понимать то, что под ним понимают многие философы и лингвисты»⁹. Несколькими строчками ниже Дэвидсон перефразирует этот тезис следующим образом: «Я думаю, мы должны отказаться от попыток прояснить, как мы коммуницируем, апеллируя к конвенциям¹⁰». Итак, тезис сводится к отрицанию вышеозначенного третьего постулата лингвистики: общий язык (конвенции) не является необходимой предпосылкой успешной коммуникации.

Основание этого тезиса состоит в том, что перечисленные условия интерпретируемости не предусматривают необходимости общего языка. Конечно, в большинстве случаев успешной коммуникации мы говорим *более или менее* на одном языке, но: 1) *фактическое* преобладание таких случаев еще не доказывает *необходимость* общего языка в структуре успешной коммуникации — будь то в качестве ее предпосылки или результата; 2) это «более или менее» настолько растяжимо, что в некоторых случаях языки собеседников более естественно считать именно разными, даже если оба говорят, например, по-русски; 3) возможна коммуникация, в которой собеседники говорят на разных языках в обычном смысле этого слова (например, на английском и французском); более того, Дэвидсон считает возможной успешную коммуникацию между людьми, каждый из которых *не владеет языком собеседника*.

Однако общий язык в структуре коммуникации может рассматриваться не только как *предпосылка*, но и как *результат*: в этом последнем смысле общий язык тематизирует Гадамер, и именно в этом пункте Дэвидсон, как

Гадамера и Дэвидсона: если Гадамер акцентирует внимание на том, как мы понимаем другого, то Дэвидсон — на том, как мы обращаемся к другому; Гадамер исследует преимущественно интерпретацию, Дэвидсон — условия интерпретируемости. Это различие в акцентах, не более.

⁹ Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs. P. 107.

¹⁰ Ibid.

мы видели, от Гадамера дистанцируется. На мой взгляд, отрицание необходимости общего языка как предпосылки взаимопонимания Дэвидсон обосновывает вполне убедительно, но его возражение Гадамеру не выдерживает критики. Ниже рассматривается четыре примера успешной коммуникации на разных языках, которые приводит Дэвидсон. Мой тезис состоит в том, что все они «работают на Гадамера», то есть показывают, что успех коммуникации предполагает конвергенцию разных на старте языков собеседников и формирование общего языка на финише.

Иллюстрации к (анти)тезису

1. *Малапропизм* — замена некоторого слова другим (близким по звучанию), обусловленная не оговоркой, но систематически неправильным словоупотреблением. Термин происходит от французского выражения *mal à propos*: неуместный, не к месту. От этого выражения образовано говорящее имя миссис Малапроп — героини пьесы Р. Б. Шеридана «Соперники»: она питает слабость к звучным ученым словам, но не знает их значений и потому употребляет не к месту. Однажды, характеризуя собственные ораторские способности, она вместо *a nice arrangement of epithets* («изящное использование эпитетов») говорит *a nice derangement of epithets* («милый бардак эпитафий») ¹¹. Последняя фраза вынесена в заголовок посвященной малапропизмам статьи.

Для Дэвидсона малапропизм интересен тем, что эта «неправильность» речи не мешает нам ее понять или, во всяком случае, не является непреодолимым препятствием для понимания. Контекст (как вербальный, так и поведенческий) нестандартно используемых слов делает возможной их успешную интерпретацию, подобно тому как мы можем благодаря контексту распознавать оговорки ¹². Этот пример делает понятной Дэвидсонову универсализацию перевода (вспомним тезис из процитированного выше фрагмента: «Понимание всегда зависит не только от интерпретации, но и от перевода»). Миссис Малапроп говорит по-английски, но ее термин *epitaph* переводится на... другой английский как *epithet*. Итак, коммуникация в общем случае предполагает перевод если не с языка на язык, то с идиолекта на идиолект. Но если так, то успешная коммуникация не только делает языки/идиолекты собеседников эквивалентны-

¹¹ В переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник: «Если я чем-нибудь и могу похвастать, то это именно своими *оракульскими* способностями, богатым запасом всяких остроумных *эпитафий*».

¹² Случай малапропизма можно обобщить, приняв в расчет всевозможные прочие «неправильности» речи, которые могут затруднить коммуникацию, но никогда не делают ее безнадежным предприятием: это может быть индивидуальная лексика («Такая моя командирская зарука» — В. Пелевин), идиолектный синтаксис («Некуда жить, вот и думаешь в голову» — А. Платонов), намеренные малапропизмы («бинокли / не видящих меня смотря каких женьшень» — И. Бродский), фефекты фикции, езыг падонкафф и т. д. и т. п.

ми, но и означает, что как минимум один из собеседников, действуя в ходе беседы как переводчик, владеет *обоими* языками / идиолектами, то есть как минимум один из задействованных языков / идиолектов является *общим*.

Чтобы упростить рассуждение, введем некоторые обозначения: пусть А и В говорят на языках L_a и L_b соответственно. Допустим, их коммуникация успешна, то есть им удалось достичь взаимопонимания. Это значит, что А, высказывая что-то на языке L_a, учитывает возможный перевод своей реплики на язык L_b и способен отличить правильный перевод своих слов от неправильного. Если так, то он знает значения слов (выражений) языка L_b, что и означает, что он этим языком *владеет*. Конечно, это владение языком может быть ограничено разными факторами, вследствие чего А в беседе с В не переходит на язык L_b; это может быть негативное отношение к малапропизмам, неумение произносить «th», необходимость долго думать, чтобы подобрать нужные слова на иностранном языке, и т. п. Словом, здесь следует учитывать различие 1) между пассивным и активным владением языком, 2) уровней владения языком (как активного, так и пассивного). А может владеть языком L_b в достаточной мере, чтобы переводить реплики В или оценивать перевод своих реплик на L_b, но при этом не быть в состоянии свободно на нем изъясняться. Впрочем, степень активного владения языком собеседника представляется несущественной; пассивного владения, которое обеспечивает возможность перевода его реплик, достаточно, чтобы говорить о владении его языком в некотором минимальном смысле.

2. *Коммуникация между взрослыми и детьми, только начинающими осваивать язык.* Как часто делают любящие мамы, моя мама записывала образцы языка, на котором я говорил, когда мне было три года. Конечно, мой язык не был языком, на котором говорили другие члены семьи; полагаю, на нем не говорил никто. Но она утверждает (и в этом она права), что понимала меня, а я понимал ее¹³.

Итак, это еще один пример успешной коммуникации поверх языкового барьера, а значит, пример *адекватного перевода*: мама понимает индивидуальный язык малыша и может перевести его на язык взрослых (например, для гостя, который не может понять, чего ребенок от него добивается). Не будем гадать о лингвистических компетенциях ребенка; для нас достаточно того, что в данном примере мама владеет обоими языками.

3. *Переписка на двух языках.* И люди, которые не могут или не хотят говорить или писать по-французски, обычно отвечают на письма, написанные на этом языке, по-английски¹⁴.

Если корреспондент может прочесть написанное по-французски письмо, но предпочитает отвечать по-английски, потому что изъясняется на этом языке более свободно, то данный случай совпадает с первыми двумя.

¹³ Davidson D. The Second Person. P. 115 (прим. 10).

¹⁴ Ibid.

Отмечу только один странный момент в рассуждении Дэвидсона: он допускает, что этот участник переписки *не может* писать по-французски. Думаю, это явное преувеличение: трудно вообразить человека, умеющего читать на некотором языке, но неспособного на нем изъясняться, пусть даже крайне неуклюже и коряво. Но даже если бы это было возможно, это не отменяло бы того факта, что данный индивид пассивно владеет данным языком.

4. *Радикальная интерпретация* — парадигмальный для Дэвидсона пример, когда в коммуникацию вступают индивиды, не владеющие ни одним общим языком в обычном понимании этого слова, например: один говорит только по-английски, а другой — только на языке шерпа¹⁵. В сущности, этот пример отличается от всех предыдущих только тем, что в нем рассматривается максимальная стартовая дистанция между языками/идиолектами участников коммуникации. Как уже было отмечено, по Дэвидсону, успешная коммуникация возможна даже в этом случае, если каждый коммуникант не пожалеет усилий, чтобы сделать свою речь интерпретируемой. Будет ли успех коммуникации означать, что один из ее участников освоил язык другого, или что каждый освоил язык другого, или что они сочинили некий третий язык, несущественно: главное здесь состоит в том, что они нашли такие слова, с помощью которых им удастся прийти к согласию относительно того или иного предмета или вопроса.

Итак, все рассмотренные примеры, которые Дэвидсон трактует как случаи отсутствия общего языка, на самом деле демонстрируют наличие как минимум одного, а иногда и *двух общих языков!* Вспомним еще раз миссис Малапроп: если в разговоре с ней использовать слово «эпитафия» в стандартном значении, она собеседника не поймет. Капитан Абсолют говорит на стандартном английском, но понимает миссис Малапроп. Стало быть, слыша в ее речи слово «эпитафия», он переводит его на свой язык как «эпитет». Таким образом, он знает два языка, и один из них — язык миссис Малапроп — является для них общим. Однако мы можем допустить, что миссис Малапроп обнаружила, что капитан Абсолют склонен под «эпитафией» подразумевать надгробную надпись. Если так, то она тоже может адекватно понимать капитана, соотнося его речь со своим словоупотреблением, и тогда оба языка станут для них общими.

Теперь нам осталось сделать последний шаг и устранить лишнюю сущность: если термин T_a языка L_a переводится в языке L_b термином T_b , то мы можем рассматривать T_a и T_b просто как синонимы в рамках *единого* общего языка L_{ab} . Если T_a не переводится на L_b одним термином, но (в случае успешной коммуникации) адекватный перевод с L_a на L_b возможен, значит, T_a может быть переведен дескриптивной фразой, термином с комментариями и т. п. Конечно, следует иметь в виду контекстуальный характер отношения переводимости. По нашему допущению эквивалент термина T_a

¹⁵ Op. cit. P. 114. Аналогичный пример рассматривается в статье First Person Authority: см. прим. 5.

на языке Lb найден только для контекста K1 — в рамках разговора между А и В на такую-то тему. Возможно, уже при переходе к следующей теме наши собеседники утратят взаимопонимание и, следовательно, не найдут эквивалента для термина Та в языке Lb для контекста K2. Однако в каждом единичном случае успешной коммуникации в соответствующем контексте исходные языки собеседников «сплавляются» в единый общий язык¹⁶.

Язык и мир

Теперь попытаемся уточнить понятие языка, но так, чтобы оно позволяло говорить как о различии языков, так и о едином общем языке коммуникантов. Конечно, есть много причин рассматривать, например, французский и английский именно как два разных языка (две разные системы конвенций, затрагивающих лексику, морфологию, синтаксис, идиоматику и т. д.), но для теории коммуникации существенно то, что их объединяет: они способны обеспечить взаимопонимание собеседников, то есть выразить общее для них видение некоторой ситуации.

Наши мысли и слова вводят нас в мир, поэтому мы можем иметь истинные и ложные мнения и говорить как ложные, так и истинные вещи. Эта связь с миром может быть установлена только общей реакцией на общее окружение¹⁷.

Коммуникативистский подход к языку лишает лингвистические конвенции жесткости: чтобы быть понятым госпожой Оракульские Способности, я могу использовать термин «эпитафия» в значении «эпитет». Носитель языка изменяет конвенции в разных контекстах и под разные коммуникативные цели. Однако конечная цель этих изменений всегда одна: достижение договоренности относительно общего мира. Поэтому *онтологический* аспект языка следует — в духе как Гадамера, так и Дэвидсона! — рассматривать как первичный по отношению к *конвенциональному*. Таким образом, помимо двух характеристик языка, упомянутых в начале статьи, Дэвидсон неявно рассматривает третью и главную: язык — это коррелят мира. Соответственно, в случае успешной коммуникации мы получаем *общий язык как коррелят общего мира*.

Стоит заметить, что общий язык — это не просто инструмент для обнаружения общего мира (общего для А и В фрагмента мира): мир, по Дэвидсону, *конституирован* как место встречи собеседников, то есть как среда взаимопонимания. В этом состоит смысл метафоры «триангуляции» (собеседник 1 — собеседник 2 — мир), которую Дэвидсон использует в конце первой цитаты.

Дж. Макдауэлл, соглашаясь с Дэвидсоном относительно возможности коммуникации на разных языках, дополняет это положение тезисом о необходимости общего языка в процессе социализации — «обретения

¹⁶ Лишнее примечание: полная эквивалентность идиолектов собеседников, то есть абсолютная когерентность вырабатываемого ими общего языка, — это скорее регулятивная идея, чем эмпирический факт.

¹⁷ Davidson D. Gadamer and Plato's Philebus. P. 275.

картины мира¹⁸». Думаю, с учетом идеи триангуляции Дэвидсон должен был бы с этим тезисом согласиться: обретение картины мира начинается с *успешной* коммуникации с другими (как в примере с мамой и младенцем).

Мирораскрывающая (мироконститутивная) функция языка как языка диалога — еще один общий мотив Дэвидсона и Гадамера и еще одна интересная тема для компаративного исследования.

Окказиональность понимания и холистичность языка

Механизм формирования общего языка в ходе успешной коммуникации Дэвидсон описывает, различая первичную (*prior*) и переходную (*passing*) теории значения, или интерпретации, для некоторой речи¹⁹. Первичная (исходная, стартовая) теория определяется теми интерпретативными средствами, которыми располагает слушатель; переводя определение на язык Гадамера, можно сказать, что первичная теория — это «смыслоожидания» слушателя, заданные его семантическими «предрасудками» (тем, что он знает о языке говорящего, об особенностях его речи, о ситуации, в которой разворачивается беседа, и т. п.). Переходная теория (думаю, термин *passing* можно было бы перевести и как «окказиональная» в смысле «подходящая для данного случая») — это результат коррекции первичной теории в случае ее неудачи. Общий язык — это точка совпадения переходных теорий собеседников, скорректированных по ходу беседы взаимных интерпретаций.

Окказиональность переходных теорий — их зависимость от единичных контекстов и случаев коммуникативного успеха — совместима с холистическим характером языка, который обусловлен систематичностью значения (первый постулат лингвистики) и когерентностью речевого поведения как условием интерпретируемости. Язык — это целое, охватывающее отдельные высказывания и выражения и наделяющее их значением.

Эксплицируем этот тезис по контрасту с интерпретацией концепции Дэвидсона, предложенной немецкой исследовательницей С. Кремер. Ее тезис состоит в том, что именно отдельное высказывание, а не язык в целом является, по Дэвидсону, предметом интерпретации:

Важный для Дэвидсона пункт — это не различие между «языком» как публичным институтом и «идиолектом» как индивидуальной диспозицией личности. Это различие между «языком» и «высказыванием-в-ситуации». Почти все «логоцентрические» теории языка и коммуникации исходят из того, что знание языка является необходимой предпосылкой понимания любого высказывания на этом языке. Дэвидсон устраняет именно эту связь между предварительным знанием языка и пониманием высказывания. В горизонте его трактовки, опирающейся на теорию истины,

¹⁸ McDowell J. Gadamer and Davidson on Understanding and Relativism // Malpas J., Arnsward U., Kertscher J. (ed.). Gadamer's Century. Essays in Honor of Hans-Georg Gadamer. Massachusetts: MIT, 2002. P. 185.

¹⁹ Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs. P. 101.

и его различия исходной и переходной теорий становится ясно: единственное, что вообще может быть осмысленным образом понятно, — это не нечто вроде целого языка, но отдельное высказывание²⁰.

На мой взгляд, в этом толковании тезиса Дэвидсона содержится существенная ошибка, связанная, по-видимому, с тем, что С. Кремер слишком буквально принимает его отрицание «языка». Некорректным здесь представляется противопоставление «высказывания-в-ситуации» и языка как целого: по Дэвидсону, интерпретация имеет холистический характер, то есть понять отдельное высказывание невозможно без понимания языка собеседника или, точнее, без выработки общего языка как целого. Дело в том, что, как было отмечено в начале статьи, интерпретируемость речи обеспечивает ее *последовательность*, но я не могу продемонстрировать, например, последовательное словоупотребление в отдельно взятом высказывании: последовательное речевое поведение должно включать как минимум два речевых акта (а вообще, конечно, чем больше, тем лучше). Поэтому понять «отдельное высказывание» (*eine einzelne Äußerung*) как раз таки невозможно; минимальная единица речи, доступная для интерпретации, — это *когерентная система* из нескольких высказываний, то есть именно «нечто вроде целого языка» (*so etwas wie die ganze Sprache*). Верно, что «переходные» теории значения сходятся на отдельных высказываниях, но эта возможность обеспечивается формированием контекста — общего для собеседников языка как условия возможности какой бы то ни было когерентности.

Устранив, таким образом, атомизацию высказывания как предмета интерпретации, мы тем самым восстановили в правах противопоставление языка (как системы конвенций) и идиолекта: различие между идиолектами конституирует коммуникативную ситуацию; появление общего языка (формирование ряда общих конвенций) знаменует ее успех.

В заключение отметим, что окказиональность коммуникативного успеха позволяет зафиксировать еще одну параллель между проектами Гадамера и Дэвидсона: отказ от методологического подхода к интерпретации.

Мы не обнаружили никакого транслируемого (*learnable*) общего ядра последовательного поведения, никакой общей грамматики или правил, никакой портиативной интерпретирующей машины, которая извлекала бы значение из любых высказываний. Мы можем сказать, что лингвистическая способность — это способность время от времени сходиться на переходной теории; в этом состоит мое предложение, и лучшего предложения у меня нет²¹.

По Дэвидсону, как и по Гадамеру, не существует надежного алгоритма для выработки общего языка: взаимная адаптация языков / идиолектов и интерпретаций собеседников осуществляется методом проб и ошибок, и коммуникативный успех зависит не только от герменевтических усилий, но и от удачи. Судя по всему, Гадамеру и Дэвидсону повезло.

²⁰ Krämer S. Sprache- Sprechakt- Kommunikation: Sprachtheoretische Positionen der Gegenwart. Fr. a. M., 2006. S. 194.

²¹ Davidson D. Op. cit. P. 107.